

3. Образование в средневековом обществе

С началом II тыс. феодальное общество Западной Европы вступило в новую фазу своего развития. В нем подспудно зрели силы, которые в скором времени привели к культурному подъему. Позитивный перелом обычно связывают с началом крестовых походов, когда Западная Европа вступила в тесные контакты с более развитыми Византией и Востоком. Однако почва для него готовилась заранее. Прежде всего само европейское общество становилось все более подвижным, открытым переменам и влияниям.

С крушением Римской империи в Западной Европе исчезла образованность. В раннем средневековье грамотными, да и то не всегда, были только священнослужители и остатки еще кое-где сохранившейся римской знати. Натурализация хозяйства, почти полное прекращение торговли, разрыв связей между регионами исключали всякую возможность сколько-нибудь широкого интеллектуального развития. Частные школы исчезали. Они остались только при церкви, которая не могла обходиться без грамотных людей.

Огромное число людей в средние века не умело ни читать, ни писать. Те знания о жизни, которыми они обладали, были получены от окружающих. Сказки, легенды и слухи заменяли им книгу и учебник. Изображения священных сцен в соборе и церкви были «Библией для неграмотных». При господстве устного слова человеческая память приобрела решающее значение. Быть умным, знающим прежде всего означало обладать хорошей памятью, хранить в ней знание обычаев, преданий старины, производственных навыков. Большинство детей не получало никакого образования. Одних не учили вследствие бедности и отсутствия школ, другие, например дети рыцарей, предпочитали ученью воинские забавы и охоту.

Однако общественное развитие постепенно расширяло круг потребностей. Еще в конце VIII — начале IX в. при Карле Великом в Каролингском государстве наблюдался некоторый подъем культурной жизни. Для аппарата управления обширной державой Каролингов нужны были кадры чиновников и судей, имевших образовательную подготовку. Да и знати для управления складывавшимися сеньориями требовались не только грамотные слуги, но и собственные знания. Возникает потребность хоть в каком-то светском образовании, что было связано в первую очередь с деятельностью Карла Великого. Он один из первых понял необходимость некоторой секуляризации знаний. В инструкции 789 г. он писал: «Пусть создаются школы, чтобы учить детей, пусть в каждом аббатстве, в каждой епархии обучают псалмам, нотам, пению, счету, грамматике».

Уже до Карла возникают две ступени образования. Начальная ступень предусматривала изучение азбуки, чтения на латыни и заучивания псалтири, затем — письма и пения. На средней ступени изучали тривиум и квадравиум. При Карле Великом в первую ступень вошло и изучение латинской литературы. Карл Великий постоянно заботился о совершенствовании образования в государстве. Так, «Капитулярий о науках» (ок. 781г.) предписывал открыть при каждом монастыре и епископской кафедре школы для монахов и клириков. Была сделана попытка организовать обучение мирян (в капитулярии 802 г.). Наряду с этим была проведена реформа письма, составлялись учебники по разным школьным дисциплинам.

Карл Великий приглашал образованных людей и из других стран: из Италии — Павла Диакона, из Англии — Алкуина, который сыграл большую роль в Каролингском возрождении. Алкуин в своих занятиях старался охватить все, что знали в те времена по так называемым гуманитарным наукам, идя от более простого к сложным обобщениям. Все это требовало большого напряжения ума и памяти. Чтобы сделать все это для учеников доступнее, Алкуин придумывал часто разные загадки, которые должны были оживлять преподавание и развивать сообразительность подростков и юношей. Кроме того, он считал нужным развивать образное мышление и воображение учеников и учил находить в изучаемом внутренний смысл и аллегорическое толкование.

С этой целью он составил параллельно основным учебникам особую книжку под названием «Собеседование царственного и знатнейшего юноши Пипина с Альбином-учителем».

Современному читателю она кажется странной и малопонятной. Но надо помнить, для чего она составлялась: она проходила одновременно с трудными учебниками по предметам «семи искусств», являясь кратким повторением изученного в занимательной форме и приемов развития воображения. Вот отрывки из этой книжки, наглядно показывающие нам своеобразность средневековой школы:

Пипин. Что такое буква?

Альбин. Страж истории.

Пипин. Что такое слово?

Альбин. Изменник души.

Пипин. Кто рождает слово?

Альбин. Язык.

Пипин. Что такое язык?

Альбин. Бич воздуха.

Пипин. Что такое воздух?

Альбин. Хранитель жизни.

Пипин. Что такое жизнь?

Альбин. Для счастливых — радость, для несчастных — горе, ожидание смерти.

Пипин. Что такое смерть?

Альбин. Неизбежное обстоятельство, неизвестная дорога, плач для оставшихся в живых, приведение в исполнение завещаний, разбойник для человека.

Пипин. Что такое человек?

Альбин. Раб старости, мимо проходящий путник, гость в своем доме... [5, с. 117—118].

Значение эпохи, названной Каролингским Возрождением, в области образования состоит в том, что по инициативе Карла было создано законодательство о школах, которые появились при монастырях и епископских кафедрах с начала XI в., и было введено обязательное обучение детей знати.

С распадом Каролингской империи пришло в упадок и Каролингское Возрождение. Знания вновь вернулись в монастыри. Низкое, рутинное состояние культуры того времени, слабые результаты Каролингского Возрождения объясняются, с одной стороны, отсутствием общественной потребности в

знаниях, с другой — церковной монополией на образование, незаинтересованностью клира в обучении мирян.

В Западной Европе дело школьного образования в раннем средневековье оказалось всецело в руках церкви. Лишь кое-где на юге Италии, под влиянием Византии, некоторое время еще сохранились светские школы. Естественно, целью обучения на Западе стало исключительно постижение христианских ценностей. Этим средневековое западноевропейское образование отличалось от античного, целью которого было физическое и умственное совершенство.

Создателем средневековых школ в Западной Европе часто считают Кассиодора, который активно развивал идею школы для духовенства. Он же написал и первые учебники в расчете на варваров. Школы обычно существовали при церквях и монастырях. Своей целью они ставили подготовить элементарно грамотных духовных лиц. Главное внимание обращалось на изучение латинского языка (на котором велось богослужение), молитв и самого порядка богослужения. Известны также городские школы, которые обычно учреждались при главном (кафедральном) соборе. Там занимались дети горожан, и эти школы, в отличие от монастырских, были платными. В них практиковалось изучение «семи свободных искусств» (число семь считалось священным). Это был набор учебных дисциплин, сложившихся еще на закате Римской империи. Его предложил еще в V в. римский писатель из Карфагена Марциан Капелла. В VI в. эти семь искусств были разделены другим римским ученым Боэцием на 2 части. Сперва учили трем искусствам, или трем наукам о слове, — грамматике, риторике и диалектике. Эти три искусства по-латыни назывались тривиум («трехпутье»). Одолев его, ученик переходил к квадравиуму («четырепутье»), наукам о числах, а именно: арифметике, геометрии, астрономии и музыке.

Грамматика сводилась к изучению правил латинского языка, который до XIV в. оставался в Западной Европе почти единственным языком письменности и литературы.

Риторика учила церковному красноречию. Диалектика сводилась к тому, чтобы с помощью формальной логики (суммы доказательств) убеждать в истинности веры и опровергать еретиков. Иными словами она — искусство ведение спора.

Арифметика предназначалась для ведения простых подсчетов и магического толкования чисел. Она была необходима и монахам, следившим за церковным календарем и купцам в их торговых сделках.

В арифметике было больше сложения и вычитания, потому что в умножении и делении сами наставники были не очень сильны: тогда пользовались римскими цифрами. А попробуйте при помощи римских цифр умножить одно 3-значное число на другое. Решали и задачи по арифметике. В Англии был сборник задач, в котором некоторые задачи были не столько арифметическими упражнениями, сколько загадками для развития сообразительности. Вот некоторые из них, которые решал в школе Алкуин.

Вол, который целый день пашет, сколько следов оставит в последней борозде? Ответ предложен такой: ни одного следа не оставит, потому что за ним следует плуг, который запахивает следы.

Некий человек должен был перевезти через реку волка, козу и связку капусты. И не мог найти другой лодки, кроме такой, которая могла лишь двоих перевезти. Но ему было приказано, чтобы все это переправил в неприкосновенности. Каким образом он мог это сделать? Ответ: сначала перевезти козу, оставив волка и капусту, потом вернуться, перевезти волка, а козу обратно увезти с собой; потом перевезти капусту, оставив козу; потом вернуться за козой.

Геометрия изучала строение поверхности земли, землемерное дело, основы строительства знаний, то есть включала прежде всего географию и архитектуру.

Астрономия сводилась к вычислению церковных праздников. Кроме того, астрономия могла, как тогда верили, помочь предсказаниям о судьбах людей, которые якобы зависят от расположения небесных тел. Как полагали, небосвод с его звездами и планетами, вращающийся вокруг Земли, неподвижно покоящейся в центре мироздания, подчиняется законам числа. Он состоит из разных сфер, к которым прикреплены звезды; одни ближе к Земле, другие расположены дальше; и все они движутся согласованно, гармонично, то есть точно так же, как строится музыкальная мелодия.

Музыка, прежде всего пение, предназначалась для сопровождения молитв. В средние века музыку относили к математическим наукам из-за наличия строгих законов гармонии.

Постепенно в силу тогдашнего миропонимания и церковной монополии на грамотность эти предметы (или науки) из «служанок философии» превратились в «служанок богословия». Тривиум представлял собой низшую ступень обучения, квадравиум — высшую.

Окончательно закрепил это разделение римский популяризатор науки Кассиодор в VI в. -

Пройдя курс «семи свободных искусств», ученик осваивал основы знаний. Они могли пригодиться как в практических делах, так и в

богословии — рассуждениях о Боге. Образование открывало путь к церковной карьере или к службе у князя, государя. Кроме того, школяры, одолев «семь свободных искусств», могли продолжить образование в университете.

Детей, посещавших школы, заставляли преимущественно заучивать заданное наизусть. В книге, как тогда считали, заключена мудрость, и надобно знать текст точно таким, как он записан. Толковать и объяснять его мог только учитель — духовное лицо. Нерадивых и ленивых учеников секли розгами, и на рисунках, изображающих школу, мы видим розги под рукой учителя.

Занимались обычно по 3 часа с утра и после обеда. В начальной школе изучали тривиум. В VIII в. считалось, что и для епископа достаточно знания лишь псалтири. Часто окончивший такую школу умел лишь механически читать по латыни, не понимая смысла слов. Анекдот того времени: у одного епископа по распоряжению короля

выскоблили в тексте обедни первый слог и вместо «за рабов и рабынь Твоих» он долгое время читал «за ослов и ослиц Твоих».

Начиналось обучение с заучивания нескольких молитв, Credo (Верую), всех 150 псалмов. Дети с плохой памятью отсеивались. Затем выучивали азбуку, письмо. Такое начальное образование сохранилось и позднее. На это уходило 3 года.

Первоначально в начальных школах преобладали дети духовенства.

С введением в XI в. строгого celibата в школах чаще появляются дети горожан, редко — крестьян.

Нелегко было учиться, напрягая память, необходимую для за-

учивания всего того, что было высказано и написано учеными людьми и прежде всего в Священном Писании и его толкованиях. Петр Абеляр рассказывает, как он поразил своих слушателей, когда без предварительной подготовки, то есть копаясь в ученых книгах и подбора многочисленных цитат из «авторитетов», взялся толковать трудные места из Библии.

Необыкновенные познания Абеляра снискали ему славу «чернокнижника», чародея, который не иначе как связался с нечистой силой.

Но то же самое рассказывали и о некоторых других ученых людях. Выдающийся своими знаниями и талантами человек был непонятен.

Столь же двойственным было отношение к образованным людям и самой церкви. Она создавала школы, и от священников требовались грамотность и знание религиозных текстов. Однако вместе с тем искренняя вера и любовь к Богу, как учило духовенство, не нуждаются в книжной учености. Ведь Господь избрал своих учеников (апостолов) не из числа ораторов и философов, а среди простых людей. Не

рассуждающая вера ценится выше книжных знаний.

Эта двойственность питалась еще одним соображением: среди еретиков—противников церкви было немало людей грамотных и начитанных. Изучая Священное Писание, они находили в нем подтверждение своих идей о том, что Богу угодны бедность, а не богатство. Поэтому церковь опасалась, что самостоятельное чтение мирянами Библии и Евангелия может привести их к еретическим идеям, и разрешала

читать священные книги одним лишь посвященным — монахам и духовенству.

Взаимопроникновение и взаимодействие различных влияний и элементов общественного бытия в перспективе порождало очень сложную и разнообразную картину культуры зрелого средневековья, в которой хотя и господствовало христианское мировоззрение, однако никогда не было полного поглощения ее церковью.

Со второй половины XI в. начинается подъем в духовной жизни западноевропейского общества, происходивший неравномерно в разных странах. Вплоть до конца XIII в. лидером в культурной жизни Западной Европы становится Франция. Этот подъем был бы невозможен без улучшения системы образования, накопления знаний. Получают развитие зародившиеся в каролингскую эпоху приходские (элементарные) школы, в городских центрах возникают кафедральные школы при центральных соборах, в епископских резиденциях. Они стали постепенно ориентироваться на подготовку не только ученых клириков, но и кадров для светской администрации, что предполагало расширение преподавания мирских наук. С начала XIII в. возникают и нецерковные школы, возглавляемые магистрами (учителями). Питомниками свободомыслия стали городские нецерковные школы, число которых начиная с XII в. постоянно увеличивалось. Здесь, а затем в университетах развивалась оппозиция официальному церковно-феодалному мировоззрению. Дух протеста и свободомыслия все больше распространялся среди школяров, становившихся более учеными, но отнюдь не более благонравными.

На рубеже XI—XII вв. ряд школ становятся особенно авторитетными. Учащиеся направляются в Мец, если хотят научиться музыке, в Камбре — чтобы овладеть основами математики, в Тур или Салерно — чтобы познать тонкости медицины. Пользуются известностью школы в Реймсе, Лане, Орлеане, Пуатье (Франция), в Утрехте (Германия), Кентербери (Англия) и др. Учащиеся теперь часто стремятся не просто в школу, но к определенному учителю, как, например, к Фульберту Шартрскому, с уст которого падали «как капли меда, золотые слова».

XIII в. развивает те культурные тенденции, которые сформировались в предыдущем столетии, однако это не механическое «приращение» к тому, что уже было найдено, а их обогащение и синтез, особенно ярко выступающие в сферах интеллектуальной жизни и искусства. Развитие городов как центров ремесла и торговли, расширение культурного кругозора европейцев, знакомство с культурой Востока, прежде всего арабской, явившейся в определенной мере следствием крестовых походов, послужили стимулами развития школьного дела и системы образования. Кафедральные школы в крупнейших интеллектуальных центрах Европы превратились во всеобщие школы (*studia generalia*), а затем университеты (лат. *universitas* — совокупность, общность). В средние века это название не употреблялось. Учебные заведения с универсальной программой называли *studium*, а самые знаменитые из них — *studium generale*. Университетами назывались объединения преподавателей или преподавателей совместно с учащимися в ряде городов Европы. Средним векам неизвестно было то значение, которое в настоящее время дается университету. Теперь университет означает совокупность всех наук, всех отраслей человеческого знания в противоположность разным специальным, хотя бы и высшим учебным заведениям, в которых студент специализируется в какой-либо одной области знания. Средневековые юристы называли университетом всякий организованный союз людей, всякую корпорацию. Это сообщество во многом напоминало ремесленный цех. Подобно тому, как во главе цеха стоял мастер, университет возглавляли учителя — магистры. Первым из университетов был Болонский, возникший в середине XII в. на основе Болонской юридической школы. К началу XIII в. университеты сложились и в других городах Европы (Палермо, Париж, Монпелье, Оксфорд и др.). Старейшими считаются в Англии Оксфордский и Кембриджский. Кембриджский университет начинался с обыкновенного сарая, в котором учителя из Франции открывали свою школу. В Германии долгое время не было своих университетов. Первый шаг в их устройстве был сделан не в германской земле, а в столице Богемского королевства — Праге Карлом IV. В 1348 г. своим королевским грамотой обеспечил за членами университета все привилегии и вольности Парижа и Болоньи. Сам учившийся в Париже, Карл IV дорожил своим созданием и до конца своей жизни заботился о нем. Лишь в конце XIV в. были учреждены университеты [Гейдельбергский, Кельнский, Эрфуртский, а в XV в. — в Лейпциге, Майнце и др.

Старейшим университетом в Европе считается Парижский, получивший в 1200 г. королевскую хартию с узаконением его прав и являвшийся средоточием учащихся из самых различных стран Европы. Этот университет объединял в своем составе как учащихся, так и преподавателей, а также обслуживающий персонал — книгопродавцев, переписчиков, посыльных, аптекарей и трактирщиков.

Преподаватели университета объединялись в особые организации, так называемые факультеты (лат. *facultas* — способность преподавать тот или иной предмет). Впоследствии под словом «факультет» начали понимать то отделение университета, на котором преподавался определенный предмет.

Факультеты появились именно в Париже и из Парижа были заимствованы в другие университеты, особенно в германские. Твердой точкой опоры для развития факультетов послужила булла папы Григория IX от 1231 г., которая утверждала автономию Парижского университета. В папской булле каждому факультету дается полномочие «устанавливать уставы и порядки, какие окажутся нужными, относительно способов и времени чтения лекций и проведения диспутов, внешнего вида членов университета, а также касательно времени лекций бакалавров и арендной платы за квартиры». Применялись и дисциплинарные меры против ослушников, воспрещалось одному факультету вмешиваться в дела другого. В Парижском университете имелось 4 факультета: младший (артистический) и 3 старших: медицинский, юридический и богословский. На эти факультеты студенты принимались после окончания артистического факультета. Проучившись несколько лет на факультете искусств, школяр мог рискнуть сдать экзамен на 1 ученую степень — бакалавра. Бакалавр чем-то напоминал подмастерье в ремесленном цехе: он продолжал учиться, но понемногу начинал и сам преподавать. Бакалавр, полностью закончивший обучение на артистическом факультете, мог сдавать более сложный экзамен — на звание магистра свободных искусств. Только магистрам свободных искусств разрешалось стать студентами на одном из 3 высших факультетов: богословском, юридическом и медицинском. На каждом из них также можно было сначала стать бакалавром, а в случае успешного завершения образования получить высшую степень доктора. Преподаватели выбирали себе главу, именуемого деканом (в переводе означает десятник), а учащиеся назывались студентами (лат. глагола *studere* — усердно заниматься).

Во главе университета стоял ректор (правитель). В статутах Пражского университета от ректора требовалось, чтобы он был законнорожденный, имел не менее 25 лет, был безупречной репутации, не принадлежал к монашеству, имел низшую степень духовного сана.

В Париже богословский факультет составлялся исключительно из духовенства. Юридический факультет допускал и мирян, но они не могли вступать в брак. На факультет искусств не допускались преподаватели-монахи, миряне допускались, но с обязанностью безбрачия! Из факультета медицины духовенство исключалось, но мирянам, со-ставлявшим этот факультет, было дано разрешение вступать в браки не раньше 1452 г. Для ректора университета считалось неприличным быть мирянином и притом женатым. Чем-то не только необычным, а прямо безумным считалось вступлением в брак. Против имени одного профессора в документах сохранилась пометка «впав в безумие, же нился». Недопущение в средневековые университеты женатых имело! свою причину не только в безбрачии духовенства, сколько в утвердившемся воззрении о несовместимости брачного состояния с наукой.

Немного о костюме членов университета. Это был особый школьный костюм: длинный сюртук — подрясник без разрезов, с поясом и длинный плащ с прикреплявшейся к нему шапкой в виде баш-лыка, все это обыкновенно темного или серого цвета. Во Франции! университетское официальное одеяние — красное, отороченное мехом. Но были уклонения школяров от установленного костюма: ношение оружия, сапоги с длиннейшими носами, разрезы на платьях, панталоны разных цветов для каждой ноги и т. д. Студенты имели свои организации. Когда студент приезжал в не знакомый город, то прежде всего он искал земляков. Землячества объединялись в провинции, затем нации. Каждая нация выбирала себе главу — прокуратора. Кроме выбранных самими студентами прокураторов для наблюдения за студентами ректор назначал особых наставников — педелей.

Чтобы жизнь студентов была более организована, а также для помощи бедным студентам при университетах были созданы коллегии. Коллегиями назывались общежития, где студенты получали постель и питание. Коллегиям жертвовали деньги папы, короли, духовные лица, знатные вельможи. В Париже известность приобрела коллегия, учрежденная в XIII в. Робертом Сорбонном, духовником короля Людовика IX, для 16 бедных студентов богословского факультета. Эта коллегия потом была расширена и приобрела такое значение в жизни всего богословского факультета, что весь он в целом стал называться Сорбонной и под этим именем прославился по всей Западной Европе. В Англии и Франции коллегии положили начало особым учебным заведениям — колледжам (Англия) и коллежам (Франция). Как организовывались занятия? Учение проходило почти год: с 19—20 октября по 7 сентября. В сентябре — октябре были большие каникулы. Кроме того, не занимались на пасхе 2 недели и летом, в самое жаркое время. Оно совпадало с появлением на небе созвездия «Малого Пса», отчего эти каникулы получили название «каникул» (лат. «*canicula*» — собачка, щенок). Папа Григорий IX хартией 1231 г. установил продолжение каникул не больше месяца.

Система занятий сводилась к лекциям и диспутам. Обучение было крайне трудным. Надо было в совершенстве владеть латынью, на которой велось обучение во всех университетах, обладать очень хорошей памятью, так как учебников было мало и они дорого стоили. Все написанное надо было заучивать наизусть и в дискуссиях оперировать дословными цитатами.

На младшем факультете помимо общеязыковой подготовки большое место уделялось также диалектике как методике доказательства верности утверждений того или иного авторитета. Из старших факультетов наиболее разгруженным от церковной догматики был медицинский, на котором изучались прежде всего труды античных медиков. На юридическом факультете изучали каноническое (церковное) право и гражданское законодательство по кодексу Юстиниана. На богословском факультете, помимо христианской догматики, изучали искусство чтения лекций, ведения проповедей, споров.

Самым главным видом занятий были лекции (чтение), то есть чтение книг и объяснение непонятных мест в них. Лекции были ординарными (обязательными) и экстраординарными, посещавшиеся добровольно. В Парижском университете на артистическом факультете магистры «должны произносить свои тексты так, чтобы никто не делал записи, как это принято при произнесении проповедей и рекомендаций и как читают лекторы на других факультетах. Нарушителей этого постановления "... мы с этого времени на целый год лишаем право читать лекции вместе с лишением чести, должности и привилегий факультета». За пропуск ординарной лекции или опоздание брался штраф как со студентов, так и с преподавателей.

Продолжительность лекции колебалась между одним и двумя часами. Все лекции были платными, что составляло основной доход преподавателей, так как ни церковь, ни королевская власть, ни города не были в состоянии в полной мере обеспечить материальную базу для существования новых учреждений и приобщить всю массу преподавателей университетов к образу жизни господствующего класса. Долгое время они не имели собственных зданий, библиотек, жилищ для учителей и студентов и легко снимались с места, переходя из города в город. Следует также иметь в виду, что, хотя уже с середины XIII в. существовала определенная система оплаты труда преподавателей при помощи церковных бенефициев или жалования, выдаваемого светской властью, во многих университетах сохранилась и оплата на основе

частного договора учителя с учениками. Об этом свидетельствуют страницы статутах, где еще в XIV в. мы находим таксацию цен за отдельные лекции. В университетской среде всегда было значительное количество преподавателей, труд которых оплачивался не церковью или светской властью, а взносами учащихся.

В Парижском университете на младшем факультете за лекцию по «метафизике» платили 8 грошей за полугодие, по «физике» —

столько же, но за 3 квартала, по «экономике» один грош за три недели и т. д. Кто не имел на годовые расходы 12 флоринов, полностью освобождался от платы, если подтвердят свою бедность клятвой магистру или ректору. Для представления о масштабе цен надо учесть, что бедными считались студенты, чей прожиточный минимум не превышал трех грошей в год. В университете Флоренции в XV в. докторам права и медицины платили 100—300 флоринов в год, преподавателям риторики и философии — 30—100 флоринов в год. Но плата зависела и от репутации преподавателей. Больше платили докторам — в 2—3 раза. Лучше платили за преподавание права и медицины. В Италии была распространена оплата преподавателей городскими коммунами. Обычно на лекции ходило 10—20 студентов. Преподаватель вел список (для оплаты), отвечал за знания и отчасти за поведение студентов.

В целом расходы на содержание одного студента в начале XV в. составляли 30—50 турецких ливров в год, что в 3—4 раза превышало годовые доходы каменщиков — одной из самых высокооплачиваемых ремесленных профессий. За 6—7 лет обучения даже без получения дорогой докторской степени расходы равнялись стоимости нескольких домов в Париже. С конца XIII в. стали брать плату за приемные экзамены. Лишь неимущих принимали по-прежнему бесплатно.

Специальные аудитории для лекций появились с XV в. Иногда не сам преподаватель (магистр) читал и комментировал тексты, а поручал это кому-либо из наиболее подготовленных студентов, а сам обсуждал отдельные разделы. Лучшие преподаватели готовили конспекты лекций и продавали их книготорговцам для распространения среди студентов. Преподавателей, недобросовестно относившихся к своим обязанностям, штрафовали.

Необходимой частью обучения являлись диспуты. Перед диспутом преподаватель предлагал тезисы, которые обсуждались студентами. Во время диспутов часто происходили схватки, поэтому между противниками стали ставить барьеры. Недаром противников называли «боевыми петухами». По-видимому, в связи с этими боями было издано постановление, которое запрещало на диспутах называть противников оскорбительными именами, вроде «еретик», «осел» и др.

Были учебные диспуты, проводившиеся для закрепления материала лекций. Их вели под наблюдением магистра бакалавры. Это — прототип современных семинарских занятий, продолжались они 1,5—2 часа. Были диспуты ординарные, проводившиеся регулярно в составе всего факультета, на которых демонстрировали свое искусство преподаватели и под их руководством — школяры. Проводились также и торжественные, так называемые «парадные» диспуты с участием магистров всех факультетов университета, иногда на них приглашали гостей из других университетов, представителей светских и духовных

властей. Ординарные и парадные диспуты проходили значительно дольше, иногда до нескольких недель. Помимо лекций и диспутов были и практические работы. Медики практиковались в аптеках, теологи давали пробные проповеди.

Расписание занятий было напряженным. Например, вот один учебный день на богословском факультете одного из колледжей Оксфордского университета. Сразу после утренней молитвы (в 6 часов) читались 8 книг Аристотеля. С 7 до 8 изучали Галена, в 8—9 — «Этику» Аристотеля, в 9—10 — лекция и комментарий послания к римлянам, 10—11 — самостоятельная подготовка к лекциям о Галене, 11—12 — обед. Затем диспуты по каждой дисциплине.

Экзамены обычно были устными и публичными, проводились перед преподавателями и студентами. В день сдачи экзамена обычно постились (как перед важнейшими религиозными обрядами).

Университет обладал юридической, административной, материальной автономией, которые даровались ему специальными документами государя или папы. Примером может служить документ «Из привилегии короля Франции Филиппа II Августа парижским школярам» (1200 г.): «На будущее мы по совету наших людей ради безопасности школяров вынесли такое решение: все граждане Парижа должны принести присягу, что будут давать свидетельские показания в целях установления истины, в случае если они увидят, что какому-нибудь школяру нанесен ущерб светским лицом. Никто не должен уклоняться от этого. Если какому-нибудь школяру будет нанесено увечье, если этот школяр будет тяжело ранен оружием, ударом кулака или камнем и если будет ясно, что это сделано не ради самозащиты, то все светские лица, которые станут свидетелями этого преступления, должны схватить злоумышленника или злоумышленников и передать их нашему судье...

Кроме того, наш препозит или судья не должны в случае каких-либо нарушений со стороны школяра накладывать на них руку или заключать в нашу тюрьму, если только преступление школяра не носит такого характера, что он должен быть немедленно арестован.

В последнем случае наш судья обязан арестовать его на месте преступления, не нанося ему побоев, если его не побуждает к этому необходимость самозащиты. После этого наш судья должен передать школяра церковному судье, который и содержит его под стражей ради нашего удовлетворения и расследования преступления.» [1, с. 47—48].

Университеты вели постоянную борьбу с городами за права, пока не добились автономии, то есть независимости от городских властей. Но полной независимости у университетских корпораций не было. Они контролировались церковными и светскими властями. Автономия и самоуправление касались обычно

вопросов организации учебы и внутренней жизни университетов. Студенты и наставники освобождались также от повинностей и налогов городу, в котором жили.

Стремление университетов к автономии от города вызывалось укладом средневековой жизни.

Университеты и сами студенты добились неподсудности городу (кроме наказаний за насильственные преступления). Случались конфликты с горожанами. Поводом одного из них послужило то, что школяры «нашли вино в трактире превосходным, но счет, предъявленный им за выпитое вино, слишком высоким»! Или вот как Парижский университет завоевал свою независимость от города. В 1200 г. произошло столкновение университета с городской властью. Дело началось из-за пустяков. Один студент-немец послал своего слугу в погребок за вином, а слугу поколотили пировавшие там горожане. Студенты направились в погребок и избили горожан. Последние послали за городским прево, который явился арестовать студентов. Студенты защищались как могли, и в столкновении 5 студентов были убиты. Университет жаловался королю на действие прево, и король стал на его сторону. Он дал привилегию, освобождающую его от подчинения городскому суду. Теперь университет судился церковным судом, позднее он смог освободиться от власти собора Парижской Богоматери, которому он был временно подчинен.

Бывало, что в виде протеста университет объявлял «забастовку» или даже покидал город. Это наносило горожанам ущерб, и они обычно шли на примирение, прощая студентам довольно частые дебоши. Но иногда отношения университета и города принимали более напряженный характер. Так, например, в Оксфорде крупные беспорядки произошли в 1355 г. после того, как школяры избили одного горожанина и напали на мэра. Студентов изгнали из города, и лишь вмешательство короля восстановило права университета. Университеты обращались за помощью к императору и папе. Римские папы покровительствовали Парижскому университету, так как он славился своим богословским факультетом и готовил верных служителей церкви. Дело доходило до того, что папа запрещал в других местах открывать богословские факультеты, чтобы его любимец Парижский университет, не потерял слушателей. Недаром один современник назвал университет опорой церкви. Парижский университет прославил всю Францию. Была даже распространена поговорка: «В Италии — папство, в Германии — империя, во Франции — университет». Университеты становились все более независимыми от городских властей. В этой независимой организации и заключается отличие средневекового университета от средневековой школы.

Студенчество отличалось большой социальной разнородностью. В университетах было представлено большое количество духовенства, которое нередко занимало высшие должности в церкви. В то время в университетах было мало представителей феодальной аристократии, что объясняется общим консерватизмом их образа жизни, а также тем, что и без университетского образования они по праву рождения могли занимать высшие должности на государственной службе.

Среди студенчества было много выходцев из городской среды. Например, на факультете искусств Пражского университета (1399—1408) выходцы из Праги составляли 12,5 % экзаменуемых, выходцы из королевских городов Чехии — 26 %, выходцы из подданных чешских городов — 28,57 %. Среди студентов, особенно на старших факультетах, хватало солидных самостоятельных людей. Во всех университетах было довольно много неимущих и даже нищих студентов, которые согласно «привилегии бедности» не платили вступительных и других денежных взносов. В Лейпциге с 1409 по 1419 г. таких студентов было 18 %, в Кёльне с 1395 по 1465 г. — 16 %. Большинство «артистов» — это молодежь, к тому же далеко не всегда хорошо обеспеченная. Многие из них подрабатывали, но чаще всего выпрашивали милостыню, а то и грабили по ночам мирных обывателей. Средством существования многих студентов, как показывают образцы студенческих писем, были помощь из дома и частная благотворительность. Некоторые из них получали стол у богатых горожан, покровительствовавших наукам. Были и общежития для неимущих студентов. Определенную категорию студентов поддерживала королевская власть. Например, в Англии при Генрихе III материальной помощью короля пользовались дети рыцарей, отличившихся на королевской службе, королевские родственники и знатные пришельцы из других стран, связанные с Генрихом III политическим союзом. Но и в этих случаях помощь не всегда носила денежный характер и нередко ограничивалась нерегулярными подношениями (вроде дичи или топлива из королевских лесов). Часть студентов пользовалась церковными бенефициями. В университетах можно было встретить состоятельных молодых людей со своими слугами, причем права таких слуг специально оговаривались в уставах многих университетов. С появлением в XVIII в. рабов их колоний они оказались и у богатых студентов. Стоимость такого раба примерно равнялась годовому содержанию студента. Рабыни в качестве слуг и наложниц известны и у преподавателей средиземноморских университетов. Жизнь университета была богата пышными церемониями, торжественными диспутами между учеными мужами, красочными процессиями по праздничным дням. Как правило, студенты очень любили свой университет, который называли «ласковой матерью» (по-латыни — «альма матер»). До сих пор студенты всего мира поют свой гимн, сложенный средневековыми школярами. Он начинается со слов: «Так давайте радоваться!» (по-латыни — «Гаудеамус игитур»).

Об университетском быте красноречиво свидетельствует «Письмо врача из Валенсии Педро Фагаролы сыновьям, студентам Тулузского университета»:

О пище, или как следует есть

Остерегайтесь много и слишком часто есть, особенно ночью. Избегайте употреблять в пищу во время вечерних трапез сырые луковицы, ибо они сильно притупляют разум и чувства.

Избегайте молочных продуктов — молока и свежего сыра. Остерегайтесь вкушать молоко и рыбу вместе, так же как молоко и вино, ибо от этого бывает проказа. Не нужно слишком часто есть свежую свинину. Но соленая свинина полезна. Не нужно употреблять много орехов. Лучше есть их изредка и заедать рыбой. Я говорю то же самое о любых сочетаниях мяса и фруктов, ибо они вредны и тяжелы для пищеварения.

Во время трапезы пейте дважды, трижды и четырежды. В перерывах между трапезами пейте меньше, потому что лучше пить как следует за столом, чем после. Не употребляйте вина без воды и, если оно слишком холодное, в зимнее время подогревайте его. Ведь очень плохо, когда возникает привычка пить крепкое вино, не смешивая его с водой.

О том, как нужно спать

Достаточный и естественный сон бывает тогда, когда спят четвертую часть (суток), немного меньше или немного больше. Поступать иначе — значит извращать природу. Спать слишком много — греховно. Поэтому избегайте этого... Избегайте спать на спине, ибо это вредно, но спите на боку или на животе, и лучше на правом боку чем на левом. Не ложитесь спать с холодными ногами, но сначала согрейте их у огня или прогулкой или иным способом.

О воздухе и окружении

Выбирайте жилище, удаленное от всех мест с дурными запахами... ибо мы проводим много времени на открытом воздухе, которым если он заражен, отравляет более сильно и более опасно, чем испорченная им пища и питье.

Также зимой защищайте жилище от пагубных ветров и держите! на полу солому, чтобы предохранить себя от холода.

Также хорошо одевайтесь и обувайтесь и на улице носите деревянные башмаки, чтобы ноги всегда были теплыми.

Если сможете, гуляйте каждый день по утрам и вечерам. И если погода холодная, то бегайте, но обязательно на пустой желудок. На худой конец, быстро ходите, чтобы восстанавливалась естественная теплота вашего тела. Если вы не сможете гулять по причине плохой погоды или дождя, быстро поднимитесь три или четыре раза по лестнице и имейте в вашем жилище большую тяжелую трость, похожую на меч. Размахивайте ею, зажав ее сначала одной, потом в другой руке, как если бы вы принимали участие в драке, до тех пор, пока не начнете задыхаться. Это замечательное упражнение для того, чтобы разогреться и избежать воздействия вредных испарений, которые входят в тело через поры, а также средство избежать полноты. Прыжки также являются подобного рода упражнением. Пойте, чтобы развить грудь. и если вы все это выполните, у вас будут здоровые члены, крепкий разум и память, и вы избежите насморка. Того же достигните, играя в мяч. Все это нужно делать не ради забавы, но как упражнение.» [1, с. 144—146]. Состав слушателей в университетах был непостоянен, были студенты, которые слушали лекции во многих университетах. Со временем сложился даже особый тип странствующего студента, который не столько стремится к науке, сколько любит вольную бродячую жизнь, пирушки. В одной песне бродячие студенты так выражали свою радость по поводу окончания занятий:

Радость, радость велия - Пук тетрадей — в сторону!

День настал веселия! На съеденье ворону

— Песнями и пляскою Творчество Назоново,

Встретим заливчатскою Хлама груз ученого!

День освобождения Пусть, как знают прочие,

От цепей учения. Мы спешим к Венере

Школяры, мы радостно, И толпой бесчисленной

Славим праздник радостный. К ней стремимся в двери.

[3.с.40]

К концу XV в. в Европе насчитывалось около 70 университетов, из них 20 — в Германии, 16 — во Франции, 15 — в Италии. По мере укрепления сословно-представительных монархий университеты стремятся освободиться от папской опеки, в борьбе королей против светских притязаний пап решительно принимают сторону королевской власти. Союз этот оказался роковым для университетской автономии: в XV в. многие из них были окончательно подчинены государству. Нараставшая «аристократизация» университетов, изменение социального состава магистров и студентов в пользу преобладания выходцев из зажиточных слоев способствовало тому, что к концу XV в. университеты превращаются в консервативную силу, особенно те, которые не сумели освободиться от папского влияния.

Тем не менее, значение средневековых университетов для культурного развития Европы было очень велико. До их появления в Европе отсутствовала ступенчатая система образования: ее создали университеты, где были собраны магистры различного уровня учености. Университеты сыграли большую роль в распространении светского знания. Постепенно освобождаясь от церковной монополии, они устанавливают свою собственную монополию на образование, контролируя все школы города, округа и даже области. Университеты ускорили процесс становления светской интеллигенции. Открытые миру, от были местом встречи ученых и студентов разных стран и центрам» обмена прогрессивных идей. Постоянной борьбой передовой общественной мысли с официальной церковной идеологией отмечена история университетов XIV—XV вв. и там, где побеждали прогрессивные силы и университетам удавалось освободиться от папского влияния начинали развиваться экспериментальные знания, прокладывая путь зарождающейся науке.

С развитием университетов и распространением образования Европе XIV—XV вв. тесно связан расцвет книжного дела. В городах при университетах была создана система переписки книг, было введено четкое деление текста на части, главы, абзацы. Они выделялись по-разному украшенными инициалами. Небрежно оформленные и бегло написанные, испещренные заметками нескольких поколений читателей, книги составляют большинство в рукописном наследии XIV—XV вв. Для богатых меценатов — феодалов и горожан — создавались роскошные экземпляры, украшенные великолепными миниатюрами: таковы «Часослов герцога Беррийского» и «Большие французские хроники» с миниатюрами Симона Мармиона. Наряду со школой средневековая книга способствовала распространению грамотности, ускоряла культурное развитие Европы в XIV—XV вв.

В XIV в. появляются обширные библиотеки при университетах (библиотека Сорбонны насчитывала в 1338 г. 1720 томов). Страстными коллекционерами книг были короли, высшее духовенство, феодальные сеньоры. Составляются каталоги светских библиотек. Но и более скромные лица обзаводятся личными библиотеками. Подлинным прорывом в изготовлении книг стало изобретение в Германии книгопечатания Иоганном Гутенбергом около 1445 г. Книгопечатание повлекло за собой важнейшие изменения в культурной жизни Европы. Оно знаменовало «вторжение техники в область духа». 30 лет спустя после

смерти Гутенберга немецкий гуманист Себастьян Брант, прославляя книгопечатание, писал: «Прежде всего доступную лишь богачу и королевскому званию, ныне встретишь везде, даже в хижине — книгу». Появилась возможность издавать сотни и тысячи одинаковых экземпляров, значительно удешевив книгу. Это способствовало быстрому распространению новых произведений, их проникновению в самые глухие периферийные уголки Европы, ускоряло обмен идеями, рост просвещения. Очень важно, что с самого зарождения книгопечатания предпочтение повсюду отдавалось книгам на национальном языке.